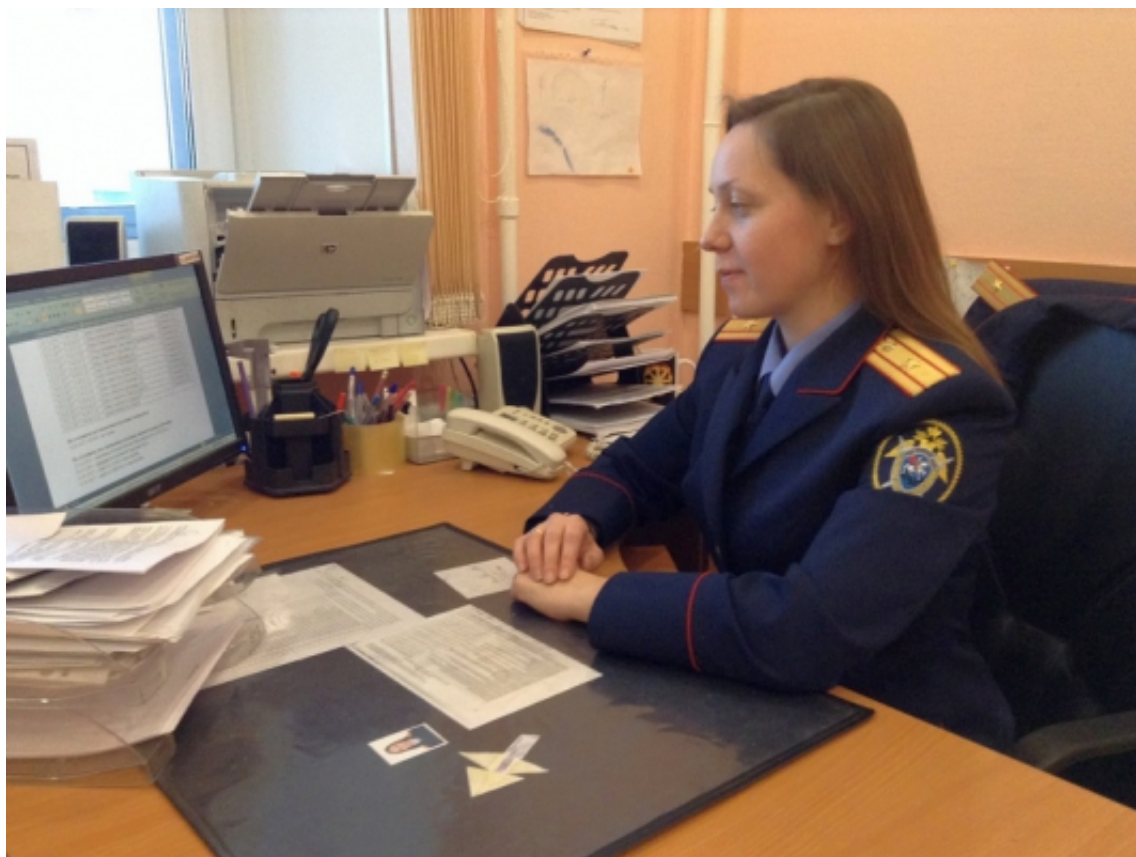

Полянских Маргарита Анатольевна

Каждое преступление в сфере медицины — индивидуально

("NashGorod.ru ")

Громкие скандалы, в которые оказываются втянуты врачи и медицинские учреждения, время от времени сотрясают Тюмень, вызывая широчайший общественный резонанс. Следователь Маргарита Полянских — человек, чья задача установить истину, когда заходит речь о врачебной ошибке или халатности медиков. Корреспонденту интернет-портала NashGorod.ru Маргарита Анатольевна рассказала об особенностях своей работы.

С чего все началось, как вы стали следователем?

— В следственные органы я пришла более 10 лет назад, и тогда это еще была прокуратура.

Когда-то мечтала о службе в армии, но женщинам, как известно, осуществить эту мечту сложнее. Поэтому решила, что буду приносить пользу обществу, нося прокурорские погоны. Кстати, муж давно уже предлагает мне оставить эту работу, но сделать это я не смогу. Я получаю огромное удовольствие, выполняя свои обязанности. Непосредственно преступлениями в сфере медицины я занимаюсь относительно недавно, два месяца. Вероятно, мне предложили заняться этим из тех соображений, что я сама — мать двоих детей, а чаще всего приходится иметь дело со случаями, где пострадавшие — именно маленькие пациенты. Может быть, это психологический расчет.

За это время не пожалели, что взялись за эту работу?

— Безусловно, это тяжело. С одной стороны приходится разбираться в детских болезнях, с другой — контактировать с родителями, которые, естественно, расстроены или даже озлоблены. Но любое преступление, особенно, если речь идет о маленьких детях — дело из ряда вон выходящее. И еще ни разу у меня не опускались руки, потому что понимаю, что дети это самое лучшее в нашей жизни, и они нуждаются в особой защите. Любой, причинивший им вред, должен понести наказание.

Не секрет, что медицина — одна из самых закрытых для коммуникаций областей. Как преодолевается «круговая оборона»?

— Да, корпоративная этика в этой среде всегда была чрезвычайно сильна, врачи, как правило, «своих не сдают». Поэтому практика сейчас такая. Мы проводим комиссионную экспертизу в Тюмени, но, если есть сомнения в ее непредвзятости, то назначаем повторную экспертизу — уже в другом субъекте Российской Федерации. Причем, чем дальше — тем лучше. И это приходится делать очень оперативно. Также применяются очные ставки с родственниками пострадавших и врачами. А если, например, встает вопрос, был ли хирург во время операции рядом с пациентом в операционной, проводится биллинг для определения его реального местонахождения.

Что чаще приводит к врачебным ошибкам? Халатность или недостатки образования?

— Никаких нареканий в плане образования, грамотности к нашим специалистам не возникает вообще никогда. Скорее всего, имеет место обычный человеческий фактор. Например, что заставляет врача сообщать родителям, что с их ребенком все в порядке, а потом выясняется, что в это самое время маленький пациент уже был при смерти? Конечно, это трудно чисто человечески, сказать такое людям. Но заканчивается такое желание «смягчить» плачевно.

Какого рода врачебные ошибки встречаются чаще?

— Все дела очень разные. Где-то провели операцию, после которой пациент скончался, где-то уже выписанный из медицинского учреждения пациент внезапно умер дома. Здесь нет какой-то определенной статистики, каждый случай индивидуален. Например, пациент умер в областной больнице после трех операций. Сейчас его родственники считают, что последняя операция была сделана неправильно, что врачи не оценили тяжесть состояния больного.

Медики же в свою защиту доказывают, что сделали все возможное и вообще, это чудо, что пациент не умер намного раньше. И теперь очень сложно разбираться во всей этой ситуации, надо изучать многотомную историю болезни. К тому же, дело осложняется еще и тем, что родственники — сами врачи. Как же определить, кто прав?

Больше всего претензий сегодня возникает к частной или государственной медицине?

— На сегодня из шести дел, находящихся у меня в работе, только одно связано с частной организацией. Все-таки люди чаще прибегают к помощи государственной медицины. Соответственно, дела, связанные с ней, значительно преобладают.

Доводилось ли вам сталкиваться в своей практике с сутягами, с теми, кто пытается нажиться за счет медицинских учреждений?

— Я знаю, что есть такие люди, которые намеренно судятся с больницами и даже получают от них иногда огромные суммы. Но в своей практике я с таким еще не сталкивалась ни разу. Как правило, родственники погибшего или получившего тяжкий вред здоровью пациента всегда хотят только одного — добиться справедливости. А про деньги еще никто не говорил. Добиться материальной компенсации можно только в рамках судебных разбирательств. Это уже чисто судебная прерогатива. Бывают и такие случаи, когда сталкиваешься с человеком, которому скорее интересен сам процесс. Он не ищет выгоды, просто хочет вести тяжбы. Например, был эпизод, когда родственник умершего в больнице пациента несколько раз менял версии случившегося и доходил до откровенного бреда: якобы умершего пациента избили в больнице, хотя все говорило о том, что это неправда.

Может сложиться впечатление, что закон стоит только на стороне интересов пациента. А как же врач, нет ли здесь перекоса?

— В действительности, моя задача — только установить истину. И не бывает так, чтобы следователь занял сторону родственников и отстаивал только их интересы.

Часто ли подобные дела заканчиваются примирением сторон?

— Нет, с таким сталкиваться мне еще не доводилось. Скорее наоборот, может быть так, что невиновность доктора доказана абсолютно, но родственники все равно не отступают. Через какое-то время они требуют что-то уточнить, допросить кого-то еще. Это могут быть пожилые супруги, потерявшие взрослого сына или дочь. У них не остается смысла в жизни, тем более, если нет внуков. И борьба с медиками превращается для них в самоцель, помогает им почувствовать какой-то смысл в жизни.

Столкнувшись с этой сферой следовательской работы, сами не перестали доверять нашим медикам?

— Совершенно нет. Более того, я считаю, что у нас замечательные врачи, настоящие профессионалы. Но от ошибок не застрахован никто. Если говорить о доверии, приведу пример из своей жизни. Мне довелось попасть на сложную операцию, причем ее назначили на

Официальный сайт

Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Тюменской области

31 декабря. Можете представить, как я переживала? Но все прошло благополучно. Так что вопрос о доверии даже не стоит. Или пример — мои дети. Болеют они редко, но они очень активные, поэтому мы частые пациенты у травматологов. И ни разу не возникло какой-то острой ситуации, а ведь врачи, к которым мы обращаемся, не знают, где и кем я работаю.

Подробнее на: <http://www.nashgorod.ru/news/news95913.html>

Адрес страницы: <https://tyumen.sledcom.ru/folder/877440/item/1113314>